

УДК 903'12"638"(571.122)

Ю.П. Чемякин

О ЯРСАЛИНСКОМ ЭТАПЕ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ

Дана краткая историография выделения ярсалинского этапа, его характеристика по В.Н. Чернецову. Приведены сведения о новейших открытиях ярсалинских древностей в Нижнем Приобье и бассейне Конды. Анализ их показал, что, кроме оригинальной керамики, другие характеристики памятников конца раннего железного века этих регионов неизвестны. В то же время белое пятно между древностями типа Усть-Полуй и Ус-Толт (карымскими) свидетельствует о реальности этого этапа, соответствующего поздним кулайским памятникам. За ним целесообразно оставить название «ярсалинский».

Ключевые слова: Западная Сибирь, ярсалинский этап, кулайская культура, ранний железный век.

Ярсалинский этап, датированный II–III вв. н.э., был выделен В.Н. Чернецовым в качестве первого этапа нижнеобской археологической культуры (АК), связывавшейся автором с «уже сформировавшимися племенами хантов» [1. С. 137–138]. В основу его выделения были положены стратиграфические наблюдения на многослойном городище Ус-Толт (Карымском) на р. Юконде, левобережном притоке Конды. Собранный в разведочной траншее керамика была разделена В.Н. Чернецовым на три типа, различавшихся и хронологически. Первый, ранний, «представлен круглодонными, довольно слабо профилированными сосудами с прямой шейкой и плавным переходом от нее к плечикам и тулову. Профиль венчика отличается некоторой уплощенностью среза, имеющего наклон внутрь сосуда и образующего небольшой характерный навесик... Орнаментированы сосуды преимущественно в верхней части, но в отдельных случаях орнамент покрывал до двух третей сосуда». Валерий Николаевич отмечал большое сходство этой посуды с поздней керамикой предшествующей усть-полуйской культуры. Общим для двух типов керамики являются шашечное расположение орнамента, «елочка» из крупнозубой гребенки, меандридный узор в виде так называемых уточек. Единственное отличие между ними он видел в приплюснутых жемчужинах на внешней стороне, неизвестных, по его мнению, в Усть-Полуе. Из элементов орнамента В.Н. Чернецов отмечал широкое распространение штампов в виде змейки или буквы S, крестообразных, треугольных, овальных и ромбических глазчатых, рамчатых уголковых, которые, за исключением последних, «хорошо известны по усть-полуйской и особенно потчевашской керамике поздних периодов». Однако на ярсалинской посуде эти штампы количественно преобладают над всеми другими. Свообразным же элементом орнамента-

ции ярсалинской керамики он считал трехчленный штамп, представляющий сочетание двух уголков и одной «уточка», «ни разу не встреченный на керамике предыдущих периодов... Наличие трехчленного штампа в орнаментации керамики первого типа (ярсалинского. – Ю.Ч.) позволяет думать, что хронологический период бытования этого типа нужно расположить непосредственно за устьполуйским и потчевашским временем» [1. С. 143, 146].

Керамика ярсалинского типа В.Н. Чернецову была известна также по сборам на городищах Луши, Соровой Мыс, на Северной Сосьве, на Словоцком городище под Тюменью; единичные фрагменты, украшенные трехчленным штампом, найдены на р. Исети близ села Далматово и одном из Усть-Тартасских курганов на р. Оми. К ярсалинскому этапу В.Н. Чернецов отнес целый ряд изделий из бронзы с этих же памятников, а также из случайных находок на севере Западной Сибири. Таким образом, можно констатировать, что данный период был выделен на материалах из разведочной траншеи на многослойном городище Ус-Толт и немногочисленных плохо документированных сборов, как правило, на многослойных же памятниках преимущественно на территории севера Тюменской области.

Сегодня, в результате резкого увеличения объемов археологических работ, в том числе на севере Западной Сибири, многократно выросла источниковая база по древней истории региона. Стали видны, с одной стороны, ошибки Валерия Николаевича, с другой – его огромная интуиция, позволившая верно оценить многие явления, наметить эволюцию материальной культуры таежного Обь-Иртышья. Выяснено, что и зеленогорская, и потчевашская АК отражают ранние этапы средневековой археологии Сибири. Средневековым датируются и металлические изделия, в том числе из

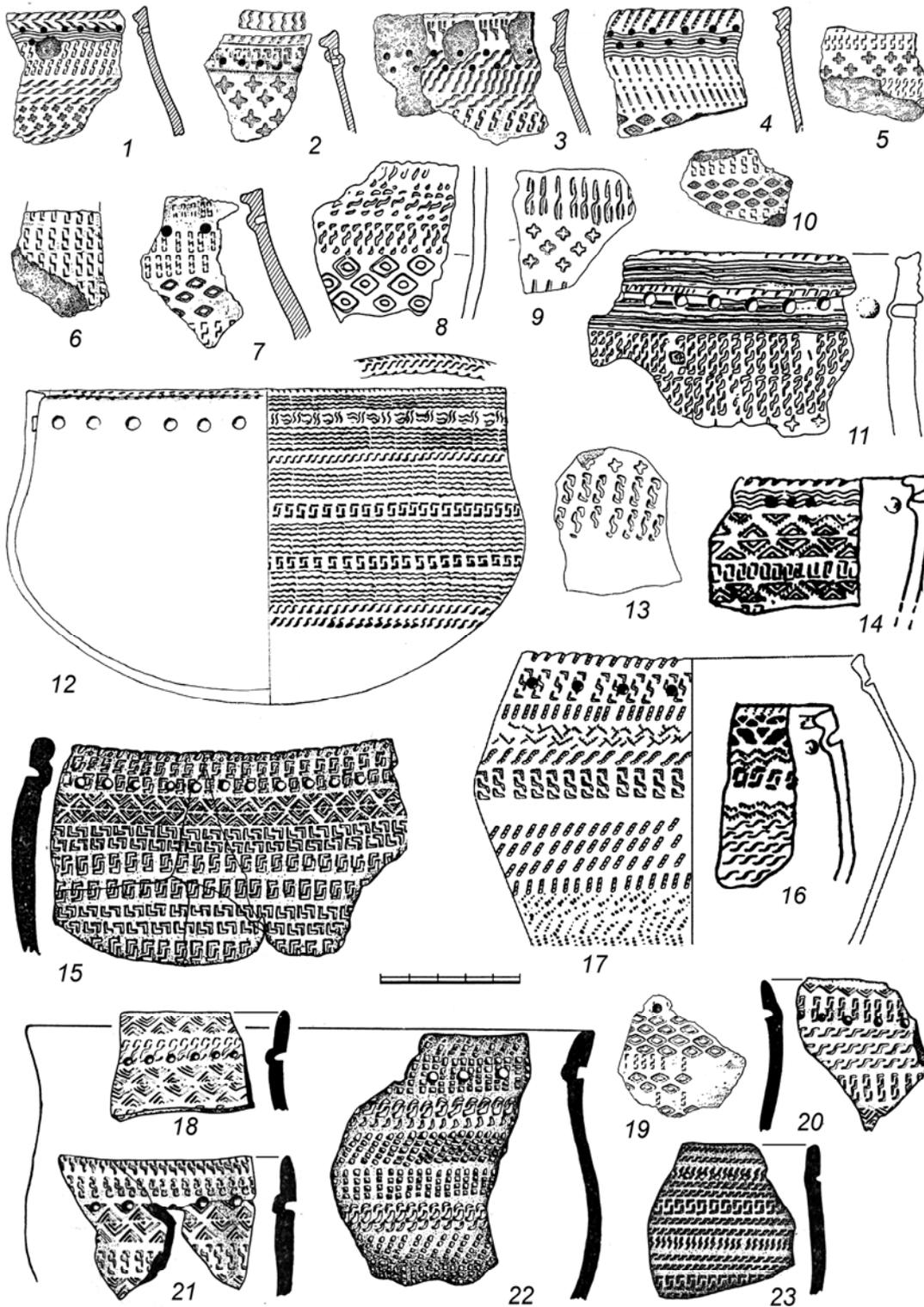

Рис. 1. Керамика яраслинского типа Нижнего Приобья и бассейна р. Конды (1–13) и украшенная многочисленным штампом из других регионов: 1–4, 6, 10 – городище Ус-Толт; 5, 7 – сборы Д.И. Иловайского на р. Северной Сосьве; 8, 11 – городище Евра 25; 9, 13 – поселение Камься 1; 12 – могильник Барсовский VII; 14 – Саровское городище; 16, 17 – поселение Малгет 6; 15, 18, 20–23 – сперановские поселения Барабы; 19 – Усть-Тартас (1–7, 10, 19 – по В.Н. Чернецову; 8, 9, 11, 13 – по С.Ю. Каменскому, Е.А. Жирных; 14, 16, 17 – по Л.А. Чиндиной; 15, 18, 20–23 – по В.С. Елагину, В.И. Молодину)

с. Яр-Сале, представлявшиеся Чернецову как ярсалинские. Относительно же места ярсалинского этапа практически никаких корректировок не последовало, исключая то, что сейчас эти древности рассматриваются не как первый этап нижнеобской культуры, а как заключительный этап нижнеобского варианта кулайской культурно-исторической общности (КИО), следующий за усть-полуйским [2. С. 167–168; 3. С. 72, 73; 4. С. 398; 5. С. 430; 6. С. 27]. Но о последовательности и генетической связи данных этапов писал и В.Н. Чернецов.

Рассмотрим памятники, трактуемые как ярсалинские. О многослойности городища Ус-Толт уже писалось. Кроме керамики эпохи бронзы и ярсалинской, там в разных количествах присутствует средневековая карымская, зеленогорская, вожпайская и кинтусовская посуда (по современной типологии уральских археологов [7, 8, 9, 10], понимавшаяся В.Н. Чернецовым как оронтурская [1. С. 146, 188. Табл. XIX]). Многослойными являются и Леушинское городище, где собраны единичные ярсалинские фрагменты сосудов, и Словоцкое городище под Тюменью, где весьма представительна карымская (туманская, по В.Д. Викторовой [11. С. 261; 12. С. 138]) керамика. В сборах Д.И. Иловайского на р. Северной Сосьве присутствуют обломки карымских и зеленогорских горшков. Однородной, судя по публикации, выглядит керамика из сборов на почти уничтоженном рекой городище Соровый Мыс [1. Табл. IV]. Однако раскопки на нем не производились, а В.И. Мошинская, со ссылкой на С.Г. Боча [13. С. 156], отмечала, что на памятнике «обнаружено большое количество разнородной керамики»; наряду с «поздней» ярсалинской там «обнаружены черепки, принадлежащие сосудам на поддонах усть-полуйского типа второй группы» [14. С. 113, 114. Табл. V].

К однослойным ярсалинским памятникам А.Г. Брусницына отнесла стоянку Ярте II (сборы Е.И. Кочегова и К.А. Ощепкова), местонахождение Юр-яха I на Ямале и городище Усть-Васъеган [15. С. 34; 16. С. 82, 85, 91]. Однако ни один из этих памятников не раскапывался, а сборы весьма малочисленны. Кроме того, по мнению Л.Л. Косинской и Н.В. Федоровой, керамика, собранная на выдувах стоянки Ярте II, Н.В. Старцевым датируется Средневековьем [6. С. 40]. Наконец, на стоянке Коматысь 2 в Большеземельской тундре обнаружены очаг и фрагменты одного сосуда ярсалинского типа [17. Рис. 2 – I].

Ярсалинская керамика найдена на поселении Касымья I и в культурном слое городища Евра 25

(бассейн Конды), где вместе с карымской составляет основу коллекции. Авторы раскопок пишут, что по шейкам выделено не менее 180 сосудов (к моменту публикации была обработана выборка в 53 сосуда) [18. С. 171–173. Ил. 2 – 8, 9]. Это самая большая известная мне коллекция. Однако анализ стратиграфии и планиграфии нахождения сосудов в раскопе не позволил выделить на городище ярсалинский слой, черепки залежали вместе с карымской посудой, а единичные фрагменты, найденные в ямах, еще не свидетельствуют о более раннем возрасте этих объектов.

О присутствии туманских, близких ярсалинским, сосудов пишут исследователи поселения Ипкуль XV [19. С. 125, 126], но во всей коллекции этого многокомпонентного памятника найдутся обломки едва ли 3–5 таких емкостей, да и то не «классических». Сам памятник датирован второй четвертью – серединой I тыс. н.э. В.Д. Викторова допускает участие в сложении туманского типа пришлого населения, по-видимому, из более северных районов (бассейнов рр. Конды и Северной Сосьвы? – Ю.Ч.) [11. С. 263; 12. С. 137–138]. Сравнение туманской керамики с ярсалинской и карымской показывает практически их тождественность, что вызывает вопрос об обоснованности выделения первой в особый тип (сравните: 1. Табл. I, II, IV–VI и 12. Рис. 7, 8; 4. С. 380; 5. 436). В конечном счете и В.Д. Викторова признает, что «комплексы керамики туманского типа, по всей вероятности, представляют собой северо-западный вариант общности с фигурно-штампованной орнаментацией сосудов» [12. С. 138]. Предшествующие туманским синдейские комплексы, по нашему представлению, относятся к раннему — началу позднего (саровского, по Л.А. Чиндиной) этапам кулайской культурно-исторической общности. Туманские (= ярсалинские) представляют следующий этап развития кулайской культурно-исторической общности на данной территории и датируются первыми веками н.э. Поздние туманские древности сравнимы с карымскими, за исключением отсутствующей в них группы желобчатой керамики.

Таким образом, сегодня ярсалинский этап выделяется только по оригинальной керамике, к тому же найденной на многослойных памятниках. Не известны собственно ярсалинские поселения, постройки, могильники (на кратковременной стоянке Коматысь 2 выявлен лишь очаг). Мы не представляем другие элементы материальной культуры, кроме посуды. Но и ее характеристика нуждается в уточнении. В частности, оказалось, что приплюснутые жемчужины встречаются на

усть-полуйских и одновременных ей кулайских сосудах из других регионов даже чаще, чем на ярсалинских. Своеобразным индикатором «ярсалинки» является трехчленный (варианты – двух- и четырехчленный) штамп. Но он встречается гораздо шире предполагаемого ярсалинского ареала.

Характеристика ярсалинской керамики близка характеристикам поздних кулайских сосудов других регионов, в частности, поздней саровской, сперановской, в какой-то степени фоминской. Эта близость проявляется в форме посуды (много закрытых форм, чашевидных или котловидных), в насыщенности орнамента, в используемых штампах, среди которых следует отметить оригинальные (крестообразные, треугольные, овальные и ромбические, рамчатые уголкового и, конечно, трехчленные). Такие сосуды присутствуют на ряде памятников саровского этапа Нарымского Приобья (Саровское городище, поселение Малгет и др.) [2. Рис. 43 – 3, 44 – 5, 6], в могильниках Сургутского Приобья (Барсовский III и VII) [20. Рис. 82 – 2, 85 – 4], на сперановских поселениях Барабы и Омского Прииртышья (городище Сопка-1, поселение Туруновка-3 и др.) [21. Рис. 25–27, 29–31] и даже в Павлодарском Прииртышье [22. Рис. 1 – 1, 6–8].

В этой связи закономерен вопрос, что же представляет собой ярсалинский этап, миф это или реальность? Как уже отмечалось, в современных представлениях – это заключительный этап существования кулайской КИО в Нижнем Приобье (и бассейне Конды, по материалам которой он был выделен). Предшествующий ему усть-полуйский этап представлен рядом исследованных памятников, среди которых особо выделяется городище-святилище Усть-Полуй. В бассейне р. Конды выявлены и раскопаны такие кулайские поселения, как Новый Катмыш IV-A и IV-B, Ахтымья I, городище Старый Катмыш и др. Материалы перечисленных памятников сопоставимы с коллекциями древностей раннего и среднего этапов кулайской культурно-исторической общности в Сургутском Приобье, саровскими в Нарымском. Известны в этих регионах и памятники следующего – карымского – этапа, открывающего уже средневековую историю севера Западной Сибири. Наличие на ряде нижнеобских и кондинских памятников переходной к карымской керамики, существующее белое пятно между древностями типа Усть-Полуй и средневекового Ус-Толт (карымскими) свидетельствуют о реальности «ярсалинского» этапа, т.е. этапа, соответствующего поздним (финальным) кулайским древностям, представленным поздней саровской, фоминской культурой, сперановским

этапом. Характеристика его впереди, с открытием и раскопками однослойных или стратифицированных памятников этого времени. Вероятно, целесообразно оставить за ним и исторически сложившееся название, несмотря на то, что собственно ярсалинские находки (из Яр-сале на Ямале) отражают более поздний период. Хотя не исключено, что нижнеобские и кондинские позднекулайские памятники будут отличаться друг от друга, иметь региональную специфику. Как имеют ее сперановские древности потчевашской АК, за которыми, на мой взгляд, следует утвердить статус культуры кулайского круга, а не раннего этапа средневековой культуры (что и сделали случайно в одной из подрисуночных подписей авторы монографии «Бараба в начале I тысячелетия н.э.» [21. С. 62. Рис. 21]). Тем более что проблема перехода от раннего железного века к позднему в Среднем Прииртышье, формирования потчевашской культуры не имеет однозначного решения. [23. С. 215–225; 24. С. 185; 25. С. 192, 193; 21. С. 109–111; 26. С. 21, 22; 27. С. 34, 35, 42].

Еще одним аргументом в пользу ярсалинского этапа служит облик карымской посуды (исключая желобчато-валиковый комплекс), в котором прослеживается явная генетическая связь с ярсалинской керамикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1957. № 58. С. 136–245.
2. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
3. Чемякин Ю.П. Сургутское Приобье в эпохи бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1989. С. 60–74.
4. Чемякин Ю.П. Кулайская культурно-историческая общность // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 376–403.
5. Ширин Ю.В. Хронологические аспекты концепции Обь-Иртышской культурно-исторической общности эпохи раннего железа // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 420–441.
6. Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа: Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 114 с.
7. Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
8. Зыков А.П., Федорова Н.В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1993. С. 65–66.
9. Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

10. Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 109–124.
11. Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 254–270.
12. Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище, костыше // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: Сб. ст. Екатеринбург: БКИ, 1999. Вып. 3. С. 126–153.
13. Боч С.Г. Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1937. Т. V
14. Мошинская В.И. Керамика усть-полуйской культуры // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953. № 35. С. 107–120.
15. Брусницына А.Г. Современная источниковая база позднего железного века полярной зоны Западной Сибири // Научный вестник. Вып. 3. Археология и этнология. Мат-лы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. Салехард, 2000. С. 32–48.
16. Брусницына А.Г., Ощепков К.А. Памятники археологии среднего Ямала (левобережье нижнего течения р. Юрибей) // Древности Ямала. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 1999. Вып. 1. С. 79–111.
17. Кардаш О.В., Пономарева Т.М. Стоянка кулайской археологической культуры в Большеземельской тундре // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: в 2 ч. Екатеринбург: БКИ, 2009. Ч. 1. С. 48–56.
18. Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 168–178.
19. Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. С. 117–129.
20. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут–Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.
21. Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
22. Смагулов Т.Н. Новые материалы потчевашской культуры с озера Кызыл-Как // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности): Мат-лы XLIV регионал. (с междунар. уч-ем) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Кемерово: КемГУ, 2004. С. 278–280.
23. Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Овчинникова Б.Б., Федорова Н.В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 203–228.
24. Могильников В.А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 172–190.
25. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
26. Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
27. Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.